

Глава 19

Едва Господин Лян скрылся за дверью, Чжоу Гэнгэн осторожно потянулся к лекарству и коснулся его кончиками пальцев.

— Ого, — изумленно выдохнул он, — она и впрямь горячая!

Чжоу Чжунсинь серьезно спросил:

— Молодой господин, планируете проверить состав?

Фу Сиянь тяжело вздохнул:

— И как, по-твоему, я это сделаю? Окуну ее в соляную кислоту, чтобы проверить наличие железа? Или запрუსь в комнате и буду замерять уровень формальдегида, надеясь найти там активированный уголь?

Чжунсинь и Гэнгэн лишь растерянно переглянулись.

Юноша потер ноющие виски.

Его жизненная философия всегда строилась на простом правиле: если кто-то проявляет к тебе излишнее рвение без видимых причин, значит, он либо замышляет подлость, либо хочет тебя обокрасть. Сиянь не обольщался на свой счет и прекрасно понимал: у него нет той харизмы, что заставляет людей падать ниц при первой встрече. А значит, внезапная «забота» Тан Гуна выглядела более чем подозрительно.

С другой стороны, не попробовать было бы обидно. В душе шевельнулось то же чувство, что толкает людей на покупку лотерейных билетов.

«А что, если...»

— Если Тан Гун и впрямь так благороден, как о нем судачат, — медленно произнес он, — то эта пилюля может стать моим спасением. Если же у него на уме что-то иное, то за этим подарком кроется весьма непростая игра.

— Мне разведать о нем подробнее? — предложил Чжунсинь.

— А я могу потрясти Го Пина, — вставил Гэнгэн. — Наверняка он что-то да слышал.

Сиянь покачал головой. Усадьба Ивового Дерева стояла здесь годами. Разве могли они,

чужаки, разузнать за пару часов то, что скрывалось десятилетиями? Вон, Нин Чжунцзэ прожила с Юэ Буцюнем полжизни и так и не разглядела истинного лица собственного мужа.

Он снова сел на кровать, рассматривая черную жемчужину на ладони. Поднеся ее к губам, он принялся, а затем осторожно коснулся лекарства кончиком языка. И тут же замер с застывшим выражением лица.

— Что такое? — встревожился Гэнгэн.

Фу Сиянь схватился за горло:

— Про... проглотил.

Виной всему были его слишком живой язык и чересчур отзывчивое горло. Он отчетливо почувствовал, как пилюля скользнула по пищеводу и уже почти достигла желудка.

Братья Чжоу мгновенно бросились на помощь. Чжунсинь обхватил его сзади, а Гэнгэн принялся со всей силы давить на живот.

— Кхэ! — юношу едва не вывернуло прямо на слугу.

Гэнгэн, упираясь плечом ему в грудь, продолжал усердно жать:

— Вышло?!

Сиянь чувствовал, что еще немного, и из него выйдет даже желудочный сок.

— Стой... хватит... — он с трудом оттолкнул Гэнгэна. — Прекрати, а то... кхэ... дух вон выйдет. Пусти меня.

Его оставили в покое, и юноша поспешно уселся в позу для медитации, уходя в себя.

В этот самый миг он впервые почувствовал отклик там, где должна была зародиться Истинная Сущность. Тонкие нити... прерывистые, едва уловимые... но совершенно настоящие.

Господин Лян, подогрев кувшин вина, неспешно наслаждался напитком в беседке. Заметив приближающихся Чжунсиня и Гэнгэна, он осушил чашу и поднял взгляд:

— Ну как? Решились?

— Решились, — Фу Сиянь с широкой улыбкой выглянул из-за спин своих спутников.

Он выложил на стол десять банкнот по сто лянов и с видом истинного богача провозгласил:

— Заказываю еще десять штук!

Господин Лян лишился дара речи. В этот момент его мысли были до боли похожи на изречение Чжугэ Ляна:

«Надо же быть настолько бесстыдным человеком!»

Он не стал давать прямого ответа, сославшись на то, что не вправе распоряжаться таким товаром, и велел им ждать, пока он доложит Тан Гуну.

— Как думаете, он согласится на задаток? — с сомнением спросил Гэнгэн.

«Если бы не хотел, то и первую бы не дал», — подумал Сиянь.

Вся эта история с «тремя тысячами за штуку» была лишь красивой оберткой. Фу Сиянь окончательно понял: Тан Гун не просто помогает ему, он навязывает ему огромный долг благодарности.

Но эта помощь была настолько своевременной и необходимой, что юноша, понимая всю подоплеку, принимал ее с радостью.

Как он и предполагал, Господин Лян вернулся довольно быстро. Принес заветный флакон, а деньги брат отказался. Судя по времени, Тан Гун согласился, едва услышав просьбу. Возможно, на Сияня давил образ «своевременного дождя», но такая безоговорочная щедрость главы усадьбы начала его пугать. Казалось, тот затеял что-то поистине масштабное. В итоге Фу Сиянь так и не рискнул забрать банкноты, настояв на том, чтобы эти одиннадцать сотен лянов приняли как пожертвование на «священный огонь» усадьбы.

Усадьба Ивового Дерева подобных услуг официально не оказывала, и лекарь замялся.

— У вас же есть родовая кумирня, — подсказал Сиянь. — Вот на благовония и пойдет.

— Ну... ладно, — Господин Лян решил не спорить. — Раз уж вам так угодно.

Проводив лекаря, Фу Сиянь отбросил все тревоги. В его душе разгорелось пламя надежды —

такое же обжигающее, как пилюли во флаконе.

Девять лет — с семи до шестнадцати — он ждал этого мига. Впервые он ощутил ток Ци и снова увидел шанс стать настоящим мастером.

Вернувшись в комнату, он, не теряя времени, принял вторую пилюлю. Сиянь опасался, что эффект может ослабнуть, но вышло наоборот. Стоило лекарству достичь средоточия, как тонкий ручеек энергии превратился в полноводный поток. Ци уверенно потекла по меридианам, следуя канонам «Искусства Небесного Ковша Изначального Хаоса». Спустя несколько полных циклов он одним рывком достиг середины стадии Истинной Сущности.

Когда он открыл глаза, комната осталась прежней, но картинка словно переключилась из обычного разрешения в сверхчеткое. Линии стали рельефными, тени — объемными. Голоса Чжунсиня и Гэнгэна, переговаривавшихся у входа, раньше доносились лишь неясным гулом, а теперь каждое слово звучало так отчетливо, будто они стояли у самого его уха.

Фу Сиянь глубоко вздохнул, унимая дрожь восторга, и достал из флакона еще одну жемчужину. Он чувствовал: это не предел. Похоже, все эти годы его таланту мешал лишь холод, сковавший тело, и теперь, когда оковы пали, накопленный за девять лет опыт выплеснулся наружу.

Вспомнив наставления из одного старого сериала про солдат, он мысленно пообещал себе:

«Не отступать и не сдаваться»

Это станет его девизом.

Помечтав немного, Сиянь проглотил следующую пилюлю.

Братья Чжоу дежурили у дверей от рассвета до заката. Несколько раз они заглядывали внутрь — Сиянь по-прежнему сидел неподвижно. Гэнгэн начал не на шутку тревожиться:

— Сколько он их съел? Почему в этот раз так долго?

Чжунсинь, которому Фу Сюань перед отъездом вкратце обрисовал состояние племянника, понимал, насколько ценен этот прогресс.

— Это хороший знак, — коротко бросил он.

Но стоило ему договорить, как из комнаты донесся тяжелый глухой удар.

Они ворвались внутрь и замерли. Фу Сиянь лежал на полу, а его тело издавало странные звуки

— кости скрипели и щелкали, словно шестеренки огромного механизма.

Братья переглянулись в немом шоке. Им обоим был знаком этот звук. Так кости перестраиваются при переходе от стадии Истинной Сущности к Закалке Костей. Энергия начинает выжигать в теле всё лишнее, день за днем превращая обычного человека в воина со стальными мышцами и железным скелетом.

Но ведь еще утром их молодой господин был лишь в начале пути Истинной Сущности! Неужели он за один день преодолел целую ступень развития? Такая скорость заставила бы позеленеть от зависти даже Лоу Уцзая, признанного гения Хаоцзина. Это было просто немыслимо.

Впрочем, сам Сиянь чувствовал себя не столь блестяще. Благодаря многолетним упорным, хоть и бесплодным тренировкам, он действительно сумел прорваться на стадию Закалки Костей, но его собственной Ци катастрофически не хватало для закрепления успеха. Он чувствовал себя как человек, пытающийся удержать равновесие на краю пропасти.

Чжунсинь подхватил его под руки и попытался влить свою Ци через его средоточие. Но стоило их энергиям соприкоснуться, как возникла чудовищная воронка.

— Бросай! — вскрикнул Сиянь.

Когда-то его отец, Фу Фу, уже пытался проделать нечто подобное и едва не лишился всех сил. Теперь же тяга была в разы мощнее. Только сосредоточив все остатки Ци в центре, Сиянь сумел помочь Чжунсиню разорвать контакт.

За эти мгновения Чжунсинь лишился почти всей своей энергии — внутри у него вместо полноводной реки осталось лишь несколько жалких «мальков».

— Что это было?! — ахнул Гэнгэн.

Юноша лишь тряхнул головой. Объяснить это он не мог. Сначала он грешным делом подумал, что в нем проснулось «Искусство поглощения звезд», и даже втайне обрадовался, но быстро понял: эта штука работает по принципу «ни себе, ни людям». Сколько бы он ни втягивал чужой энергии, она исчезала в никуда, не принося ему ни капли пользы. Фу Фу в свое время не стал трубить об этом на каждом углу, опасаясь лишнего внимания, так что природа этой аномалии оставалась тайной.

— Дай... дай лекарство, — прохрипел Сиянь.

Гэнгэн поспешно подал флакон, валявшийся на постели.

Сиянь трясущимися руками открыл его, и три последние пилюли выкатились на ладонь. Гэнгэн

хотел было забрать две лишние, но юноша накрыл их ладонью и одним махом отправил в рот.

Эффект от трех порций разом оказался не просто тройным.

Пока тело впитывало энергию, Сиянь пытался подойти к вопросу научно. Даже если китайская медицина не вызывает привыкания, почему одна и та же доза с каждым разом действует всё яростнее?

Средоточие Истинной Сущности под напором трех пилюль впервые опасно раздулось, а затем Ци хлынула наружу, словно прорвав плотину.

В тот миг температура его тела подскочила до критической отметки. Казалось, еще чуть-чуть, и он вспыхнет, но как только жар достиг предела, он мгновенно схлынул, возвращаясь в норму.

Внезапно в сознании Сияня открылось «внутреннее зрение». Он видел, как раздувшееся средоточие медленно опадает, возвращаясь к исходным размерам, а затем затихает. Видел, как его кости из тускло-белых становятся серебристыми, обретая металлический блеск, а под непрерывными ударами волн Ци начинают отливать золотом...

Говорили, что Закалка Костей — самый болезненный этап в жизни практика. Фу Сюань сравнивал это с тем, как если бы кости бросили в кузнечный горн. Сиянь когда-то даже размышлял, можно ли считать этот процесс химической реакцией. Теперь он видел: скорее уж алхимической, ведь структура костей не менялась, менялась их суть.

А вот боли он не чувствовал. Совсем.

Его нынешнее тело обладало удивительным свойством: оно блокировало любые страдания, оставляя его в зоне абсолютного комфорта.

«Бедный мой батюшка, — подумал Сиянь. — Фу Фу столько лет пытался выбить из него дурь силой, надеясь воспитать почтительного сына, но правда была в том, что а реальность такова: не разоблачать то, что все усилия отца были напрасными — это и есть его способ проявить сыновью почтительность. И моей главной «сыновней почтительностью» было не признаваться отцу, что все его труды — пустая трата времени»

Юноша наблюдал, как его кости проходят путь от «Серебра III» до «Золота I», пока наконец прогресс не замедлился. Его развитие остановилось на самом пике стадии Закалки Костей.

Он не стал богом за один день, но для него и этого было более чем достаточно. По крайней мере, для того чтобы как следует проучить Чу Шаояна, этого хватило бы с лихвой!

Обладатель титула «главного бездельника Хаоцзина» впервые почувствовал такой азарт, что готов был сам броситься на поиски противника. Ему не терпелось проверить на практике,

почему в Северной Чжоу «цветы такие красные»!

Он и не подозревал, что провел в медитации два дня и три ночи. Стоило ему прийти в себя, как ворота во дворик с грохотом распахнулись. Сидевший в комнате Чжунсинь резко изменился в лице и мгновенно вылетел наружу.

Его Ци, выкачанная Сиянем, еще не восстановилась полностью, а снаружи пост занимал Гэнгэн.

Всё произошло слишком быстро. Фу Сиянь еще не привык к яркому дневному свету, а снаружи уже поднялся шум.

Протирая глаза, он вышел на порог и увидел Тан Гуна. Тот в сопровождении нескольких незнакомых воинов с суровыми лицами вломился во двор через сокрушенные ворота. Чжунсинь в это время помогал Гэнгэну подняться, отряхивая щепки с его спины.

Лишних слов не требовалось — всё и так выглядело крайне скверно.

Юноша, который только начал проникаться симпатией к хозяину усадьбы, мгновенно помрачнел:

— Что всё это значит, Владыка усадьбы Тан?

Тан Гун, отбросив былую мягкость и радушие, холодно произнес:

— Я бы и сам хотел спросить: чего же вы добиваетесь, гвардеец Фу?

Сиянь в недоумении посмотрел на братьев Чжоу.

Сопровождавший Тан Гуна бледнолицый книжник, не тратя времени на разговоры, властно взмахнул рукой:

— Обыскать здесь всё!

<http://bllate.org/book/15317/1354483>